

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ МИР (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Раздел I. В ЧУЖИХ КРАЯХ	13
Предпосылки внешних контактов	13
Престижные претензии	18
Ко святым местам	24
Чудесная страна	27
Родной край — сердцу рай	30
Спасаясь от расправы	35
Королевский архивариус	41
История Ордина-Нащокина-младшего	43
Дипломатическая кухня	45
Источник неприятностей	50
В поисках пристанища	58
«За единый аз»	62
На грани правды и вымысла	66
Игнат Некрасов и его сподвижники	69
К американскому берегу	72
В Африку	79
Без насилия	84
Раздел II. НА ТРЕХ КОНТИНЕНТАХ	88
«Невозвращенцы»	88
По государеву указу	90
В порядке вещей	95
Звуки италианские	100
Мода на Италию	104
Русские палаццо	107
Чуждые космополитизму	112
Кладовая художеств	118
По сердцу	122
За вдохновением	126
Креативное место	130
Арно напоминает Фонтанку	133
Чувство Италии	139
Берег Сенски	142
Русские ищут русских	145
Отзвук мечтаний	148
В страстном поиске счастья	153

Непреложным образом	157
На Запад! На Запад!	161
Серебряный князь революции	167
Диалог смыслов	173
Альпийская страна	179
Вид на жительство	184
Натура здесь чудесна!	186
Созвездие имен	189
Ищи в чужом краю здоровья и свободы	192
Анна-Полона	199
Наслаждение жизнью	202
Рай Средиземноморья	205
Одно слово — Испания!	210
Дальние плавания	214
Одиссея графа Ф. И. Толстого	221
Раздел III. ПО БЕЛУ СВЕТУ	225
Призрак Царьграда	225
«За други своя»	231
В Китайском царстве	236
Русский путь в Японию	240
На индийской земле	246
В Новом Свете	252
По следам русских колонистов	257
От Андских Кордильер до пампасов	262
Магия Латинской Америки	265
Не от хорошей жизни	270
На Черном континенте	273
Русский флаг над Таджикистаном	279
«Страна внизу»	283
До рокового 1917-го	288
Раздел IV. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ ИСХОДА	292
За пределы России	292
Из огня да в полымя	293
Трагедия эмиграции	297
В экстремальных условиях	299
Ворота в зарубежье	304
Чистилище	308
Выжить и выстоять	312
Среди пустыни	315
Всё одна морока	319
Витязь на распутье	322
Техника эмиграции	327

С чистого листа	329
Обманчивое братство	332
С открытым сердцем	337
Приют и защита.....	341
«Русская акция» Томаша Масарика	345
Перемещенные лица.....	349
Без подданства	352
Русская мозаика.....	356
Целое культурное пространство	358
Образ России	360
Фантом и реальность.....	361
Точка пересечения	362
Ивиковы журавли	366
Ненасытно мил и чуден.....	369
Русское столпотворение в Берлине.....	379
Шаткая солидарность	381
Вдоль по Нэповской	382
В любом итальянском порту	386
Контрасты русской Италии.....	390
Средь райской декорации	391
Гражданин Рима.....	395
Ближайшая к небесам.....	397
В поисках идеи	400
Химерические надежды	403
Крепкое пристанище.....	405
Харбинцы	409
«Вознесенный над Желтой рекой»	413
Квота на эмиграцию.....	418
В Америку с надеждой	419
Фактор востребованности.....	423
Звездная пара.....	426
Между высшим и низшим «я»	429
Один на один с Латинской Америкой	430
Дух землячества.....	433
Креативные люди	437
Зов Отчизны.....	440
Страна надежд	442
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	446
Раздел V. ВОЕННЫЙ РУБЕЖ.....	446
Противостояние в Испании	446
Король на неделю.....	448
Линии конфронтации.....	450

Не всем дано прозреть	453
Неутолимая тоска изгнания	456
Всё чисто для чистого взора.....	459
Между звездой и свастикой	461
Нацеленный на добро	466
Зиновий Пешков, легионер	468
С мужеством в сердце.....	471
Антифашистский тандем.....	476
Частица крови.....	480
Путь на родину.....	485
Москва настаивала	487
Длинные руки	490
Раздел VI. ОТВЕРЖЕННЫЕ РОДИНОЙ	494
Чужие всегда	494
Волшебник Эрте	497
Из России в Россию	500
Гроссмейстер политических шахмат	503
Окрыленный любовью	508
Трибуна диссидентов	511
В полный голос	515
Дружба с бездной	519
Алия и олим	524
Раздел VII. МАГНЕТИЗМ ЗАРУБЕЖЬЯ	528
Пятая волна?	528
«Утечка мозгов»	533
Коммерческие эмигранты.....	537
Копия и оригинал.....	540
Сегмент Большого яблока	544
Здесь и там.....	546
Не одно и то же	548
Не туда, а отсюда	551
Русские жены	554
Шанс есть всегда.....	560
Дома и стены помогают	564
СОВРЕМЕННЫЙ МИР ТАК УСТРОЕН (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	569
Приложение.....	572
«Просто жить страшно, столько горя кругом» (письма М. Н. Граббе)	572
Список литературы	629
Указатель имен	635
Указатель географических названий.....	646

РУССКИЙ МИР (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Вопреки устоявшемуся стереотипу русское рассеяние по миру — явление давнее и берет начало задолго до 1917 года, когда с приходом к власти в России большевиков за пределы страны хлынула мощная волна эмиграции.

Во всяком случае послеоктябрьскому русскому зарубежью по крайней мере уже в течение ста лет предшествовало дооктябрьское.

Под русским зарубежьем традиционно принято понимать более или менее постоянные стационарные колонии выходцев из России — их кружки, организации, салоны, землячества, духовные миссии русской церкви за рубежом, устойчивые объединения студентов и стажеров в заграничных университетах и институтах, творческие сообщества и союзы писателей, художников, актеров, ученых, т. е. целый русский мир, тесно связанный со странами пребывания, но живущий своей особой, самостоятельной жизнью. В отличие от послеоктябрьского дооктябрьское зарубежье не отсекало от родины железный занавес, и оно было с ней постоянно и тесно связано.

Возможно, сегодня было бы преждевременно останавливаться на какой-то определенной нижней границе, которая послужила бы символической хронологической отметкой, отмеряющей и знаменующей начало неизменного пребывания русских за рубежом. Тем не менее уже сейчас наука располагает убедительными фактами, подтверждающими такое стабильное, длительное или даже постоянное присутствие. Это относится, например, к монастырской братии на Афоне, к иностранным подворьям русской православной церкви, к торговым дворам новгородцев в ганзейских городах.

Опрометчиво безоговорочно относить названные объекты к изначальным точкам отсчета истории русских зарубежных поселений и расценивать их не как зачаточные-эфемерные, а как сколько-нибудь системные и константные образования, располагающие ресурсами реального влияния. Однако нет сомнения, что оазисы русского мира как отдельные пункты притяжения и поселения соотечественников действительно имели место в иноязычном окружении гораздо раньше, чем это принято считать, и играли своеобразную роль как бы русского предзарубежья. Здесь важно во все не установить рекордно низкую планку хронологического предела и искусственно состарить русскую эмиграцию как явление. Речь о другом, а именно о давней, берущей начало еще в Древней Руси тенденции делегировать за границу своих представителей, создавать землячества, вступать в диалог с иноязычной средой, осуществлять межкультурную коммуникацию, вписываться в мировое духовно-культурное пространство. Объективное, без гиперболизации и преувеличений из добрых и искренних патриотических побуждений, освещение того, когда, где и как это происходило и складывалось, приоткроет неизвестные пока страницы истории русского присутствия за рубежом, поможет выделить его новые этапы и линии преемственности.

Человеческий отток из России до и после 1917 года кардинально отличается друг от друга и масштабом, и удельным весом, и смысловой

составляющей, обусловленной революционным расколом и Гражданской войной, исключившими для значительной части граждан дальнейшее пребывание на родине без фатальных для себя последствий.

За границу эмигранты приезжали с образом той великой страны, которую они знали, любили, помнили, к которой приросли сердцем и которая была им особенно дорога. И эту утраченную Россию они, как могли, сберегли и воссоздали на чужбине. В трудных, подчас невыносимых условиях они всегда помнили о своем отечестве и искренне надеялись, что их опыт и знания, накопленные за годы жизни в эмиграции, когда-нибудь будут востребованы и на родине.

За рубеж уехали лучшие из лучших, духовная элита страны, и их отсутствие не могло не сказаться отрицательно на генофонде нации. А за граница с их притоком, напротив, только выиграла, заполучив отборный, высшей пробы, человеческий материал.

Гуманитарный мир вне России — это, по сути, целый материк отечественной культуры, удивительное, полное загадок и романтики параллельное пространство русского языка, русской мысли и русского духа.

В советское время пространство русского зарубежья — запретный плод и тайна за семью печатями. Сейчас оно — органичная составная часть нашей страны.

Предлагаемая книга приоткрывает лишь некоторые из многих страниц богатого и яркого культурного достояния, носители которого — наши соотечественники. Не так уж важно, к какой именно по счету волне эмиграции они принадлежат и какое поколение представляют. Главное, что по жизни они чувствуют и осознают себя русскими, и яркое свидетельство и подтверждение тому — их творения, по праву занимающие законное место в сокровищнице нашей великой культуры.

История эмиграции в России насчитывает не одно столетие, и с какого времени она берет начало, наука пока ответ не дает. В отличие от послеоктябрьского исхода из страны предшествующие этапы русского рассеяния по миру мало освещены в литературе, далеко не все факты известны, да и уже имеющаяся информация до сих пор толком не собрана и не обобщена.

В том, что иметь в виду под историей русских вне России и как толковать укоренившееся понятие «русское зарубежье», среди ученых нет единодушия.

Начало фронтальному изучению русского зарубежья и его культуры было положено непосредственно учеными, публицистами, энтузиастами, которых унес на чужбину смерч революции¹.

В СССР к этому феномену относились как к идейно враждебному иносегменту и обращались главным образом не с научными, а с чисто пропагандистскими (разоблачение происков коварного противника, демаскировка окопавшейся на Западе пятой колонны и т. п.) целями.

Диссертационные исследования по русскому зарубежью по истечении первой декады XXI в. из эпизодических трансформировались в систематические. Заявило о себе целое направление в отечественной историографии, условно названное эмигрантоведением, наметились обнадёживающие тенденции, обещающие, что тема «Русские в зарубежье»,

¹ Соловьев В. М. Первый опыт изучения культуры русского зарубежья: краткий обзор // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Философия и культурология. 2014. Вып. 11 (697). С. 122–135.

в том числе и ее ретроспективная составляющая, получит всестороннее изучение².

И эту предлагаемую вниманию читателя книгу автор рассматривает как посильный предварительный взнос в разработку цельной — от начальной до современной — истории русских на чужбине. Заделами монографии послужили предшествующие работы, опубликованные в 2011–2016 гг.³, одна из которых сильно обесценена произвольно вставленными начинающим редактором и, мягко говоря, не относящимися к делу иллюстрациями.

Такова же и природа искажающей смысл, коверкающей текст и не согласованной с автором правки. К огрехам книги «Русские на чужбине» относится, например, ошибочно включение в качестве наглядного дополнения к рассказу о приобретении в Ницце, в бухте Вильфранш, земли для Российского императорского дома, фотографии супруги Николая II, а не Николая I.

К сожалению, сверстанная корректура не была даже показана автору, и ему до сих пор приходится оправдываться, отвечая на справедливые замечания читателей.

До недавнего времени периодизацию истории русского зарубежья начинали с 1917 года и традиционно увязывали с тремя волнами эмиграции. Отдельными историками высказывались мнения, что феномен русского зарубежья возник гораздо раньше, одновременно с эмиграцией, причем даже наметилась тенденция сдвигать хронологическую границу этого явления все ниже, вплоть до эпохи Киевской Руси⁴. Конечно, нельзя безоговорочно расценивать первые очаги русских землячеств за границей как стабильные, формообразующие, содержащие базисное ядро. Ни для XIII, ни даже для XIX–XX столетий такое утверждение не будет корректным по той простой причине, что речь идет о типичном анахронизме, т. е. серьезной ошибке в понимании сути вещей, выражающейся в произвольном хронологическом вираже, перенесении фактов и явлений одного порядка и строго конкретного времени к другой эпохе. Оазисы русского мира как

² Русское зарубежье в диссертационных исследованиях / сост. З. С. Бочарова // Проблемы истории русского зарубежья : материалы и исслед. Вып. 2 / отв. ред. Н. Т. Энеева. — Москва : Наука, 2008. — С. 438–446; *Пронин А. А.* Историография российской эмиграции: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 188 с.; *Его же.* История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: монография: в 2 ч. — М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. Ч. I. — 544 с.; ч. II. — 529 с.; *Его же.* Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг. : автореферат дис. ... на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2017. — 38 с.

³ *Соловьев В. М.* Русские на чужбине. Неизвестные страницы истории жизни русских людей за пределами Отечества X–XX вв. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2011. — 319 с.; *Его же.* Актуальные вопросы изучения культуры русского зарубежья: историографический актив // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. Томск, 2011. № 3 (15). С. 116–122; *Его же.* К вопросу о периодизации русского зарубежья // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. Томск, 2012. № 2 (18). С. 61–65; *Его же.* Три волны эмиграции. Хроника Русского зарубежья: Одиссея длиной в век. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 200 с.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 360 с.; *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства X–XIII вв.: историко-нумизматический очерк. Л.: Советский художник, 1968. — 237 с.; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. — М.: Международные отношения, 1982. — 240 с.; *Его же.* Дипломатия Древней Руси. — М.: Педагогика, 1987. — 128 с.; *Микляев А. М.* Путь из варяг в греки (зимняя версия) // Исследования, поиски, открытия: Краткие тезисы докладов научной конференции к 225-летию Эрмитажа 14–16 ноября 1989. Л., 1989.

отдельные пункты поселения и притяжения соотечественников действительно имели место в иноязычном окружении гораздо раньше, чем это принято считать.

Существующие в современной науке расхождения не исключают каких-то общих позиций. Так, все сходится в том, что эмиграция — это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Не вызывает несогласия и распространение этого термина на пребывание за рубежом после такого переселения, а также употребление слова в собирательном смысле, когда под эмиграцией подразумеваются покинувшие родину и нашедшие пристанище за границу лица.

Но вот далее консенсус заканчивается, и начинаются несовпадения взглядов и полемика. Один из тезисов, восходящих еще к советской историографии, сводится к тому, что до начала XX века в России не существовало права на эмиграцию. Оно было даровано только царским манифестом в 1905 году.

Однако отсутствие этого права вовсе не означало отсутствие самого явления. Пусть не было официальной эмиграции, зато существовала неофициальная, и за рубежом проживали представители различных слоев и прослоек русского общества.

Достаточно представительный ряд историков (В. Я. Гросул, В. М. Кабузан, А. В. Квакин, Е. И. Пивовар, и др.) считают, что послеоктябрьскому русскому зарубежью по крайней мере уже в течение ста лет предшествовало дооктябрьское⁵. Как расценить и квалифицировать более ранние русские диаспоры вне границ Руси и России и не брать ли за точку отсчета основанные нашими прапрапращурами поселения первой половины X в. в Византии, когда они плавали на однодревках «в греки», — пока вопрос открытый.

Эмиграция и русское зарубежье — явления, конечно, близкие, сопряженные, тесно связанные между собой, но это не одно и то же.

По разумению автора, было бы неоправданно приравнивать как эмиграцию вообще, так и всякое представительное и длительное пребывание наших соотечественников в других странах к понятию «русское зарубежье», однако условное использование этого термина применительно к географическим точкам и ареалам с компактными группами выходцев из России для удобства обозначения допустимо как ставшее традиционным.

По-видимому, с учетом того, что национальный состав России никогда не ограничивался этническими русскими, есть основания принять точку зрения тех специалистов, которые предлагают, обозначая смешанность в заграничных диаспорах русских и нерусских уроженцев многонациональной России, оперировать термином российское зарубежье и при этом толковать и применять как равнозначный традиционное словосочетание русское зарубежье. К примеру, авторитетный историк Г. Я. Тарле пользуется обоими понятиями именно так, не замыкая на людях и исходя

⁵ Гросул В. Я. Русское общество XVIII XIX веков. Традиции и новации. — М.: Наука, 2003. — 517 с.; *Его же*. Русское зарубежье в первой половине XIX века. — М.: РОССПЭН, 2008. — 703 с.; Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. — М.: Наука, 1998. — 270 с.; Квакин А. В. Русская интеллигенция в изгнании. Саарбрюккен: Изд-во: Lambert Academic Publishing, 2013. — 277 с.; Пивовар Е. И. Российское зарубежье XIX–XX вв.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки. 2000. № 3 (121). С. 237–253; *Его же*. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. — М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2008. — 546 с.

не из их национальной принадлежности, а самоидентификационной составляющей.

По ее мнению, художественные ценности, научные открытия, созданные нашими соотечественниками за границей или вывезенные туда, тоже относятся к российскому зарубежью, но при этом не перестают оставаться и частью национальной культуры⁶.

Собственно говоря, культурологический аспект русского зарубежья как нечто целостное представляет специальный интерес и является объектом исследования настоящих очерков, тем более что в литературе специальной работы такого рода пока нет, и даже в капитальной коллективной монографии «Эмиграция и репатриация в России» фронтально осмыслен феномен русского зарубежья в историческом, психологическом, философском и экономическом плане, но отсутствует культурологическое звено⁷. Вместе с тем феномен культуры российского зарубежья вниманием историков не обделен⁸, и настало время для культурологического обобщения обширного накопленного материала и сделанных работ.

Не вдаваясь в суть полемики по поводу принципов периодизации и дефиниций, связанных с историей пребывания за пределами России представителей разных ее этносов, правомерно не противопоставлять термины русское и российское зарубежье, имея в виду, что они не исключают, а взаимно дополняют друг друга и, неся одинаковую смысловую нагрузку, нередко циркулируют в научной лексике как близкие и отчасти тождественные⁹.

Поскольку за границей под русскими уже давно подразумевают всех, кто приехал из России, автор настоящей книги не мудрствуя лукаво там, где по контексту видно, что русские — понятие собирательное и полиэтническое, особо это не оговаривает.

Тенденция формирования объективного отношения к русскому зарубежью как феномену устойчиво присутствует в современном общественном сознании и убедительно закреплена целым рядом научных трудов, в том числе не имеющей аналогов ни в русской, ни в иностранной историографии «Золотой книге русской эмиграции»¹⁰, в которой сведены воедино свыше четырехсот биографий выдающихся граждан России, вынужденных покинуть родину. Это политики, ученые, священнослужители, писатели, публицисты, музыканты, художники. В названном издании русская культура предстает, во-первых, в лицах, во-вторых, во всем богатстве и многообразии сохранных традиций, в-третьих, здесь найдена золотая

⁶ Тарле Г. Я. Российское зарубежье и Родина. — М.: ИНИОН, 1993. — 98 с.; *ее же*. История российского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. Кн. 1. — М.: Наследие. 1994. — 516 с. С. 16–24.

⁷ Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Огороков; [Гл. ред. А. А. Бондарев]. — М.: Попечительство о нуждах рос. репатриантов, 2001. — 485 с.

⁸ Культура Российского зарубежья / Отв. ред. А. В. Квакин, Э. А. Шулепова. — М.: РИК, 1995. — 219 с.

⁹ Тарле Г. Я. Российское зарубежье и Родина. — М.: ИНИОН, 1993. — 98 с.; *ее же*. История российского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. Кн. 1. — М.: Наследие. 1994. — 516 с. С. 16–24.

¹⁰ Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. — М.: РОССПЭН. 1997. — 1088 с.

середина в подходе к фактам, явлениям и персоналиям, и вместо предшествующих нигилистических оценок не вводятся пафосно-дифирамбные. Думается, именно такое, свободное от безоговорочного и некритического восхваления, освещение роли, места и деятелей русского зарубежья возобладало в РФ как оптимальное.

Солидный фундамент для исследования проблем культуры русского зарубежья заложен большим обобщающим трудом М. И. Раева (в США на английском языке напечатан в 1990-м), изданием, составленным на основе докладов сотрудников Института российской истории РАН при участии других научных коллективов, а также монографией признанного специалиста по этой тематике Е. И. Пивовара. Его работа, в которой прослежены культурно-исторические явления в контексте международных связей и миграционных процессов в течение полутора столетий, подготовила широкое поле для культурологических изысканий и обобщений¹¹.

Русское зарубежье — сложный, многогранный феномен, и в одних трудах оно предстает как русская Атлантида, таинственная, навсегда ушедшая легенда¹², в других — как миф, эстетически понимаемый как особый универсум, самостоятельный идейно-смысловой конструкт и источник культурного самопорождения¹³.

Тезис, что культура — объединяющее начало Российского зарубежья, повсеместно принят новейшей отечественной историографией и даже вошел в вузовские спецкурсы¹⁴. Однако еще важнее освобождение от предубеждений и трафаретных установок советского времени и адекватное понимание того, что история и культура Отечества не заканчиваются на его границах и включают богатую и разнообразную составляющую извне — неотъемлемую органическую часть нашего прошлого и настоящего. Ныне события вокруг России в связи с Украиной принимают такой оборот, что коренным образом скажутся как на тех, кто уже оказался или скоро окажется вне границ нашей страны, и продолжение истории русского зарубежья может сложиться для многих драматично и даже трагично.

Ввиду сопровождения текста иллюстративным материалом, по чисто техническим причинам (большой объем) книга разбита на две части: первая вводит в историю и культуру русской эмиграции до 1917 г., вторая — освещает картину русского зарубежья вплоть до наших дней.

¹¹ Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М., 1993. — 104 с.; *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. — М.: Прогресс-Академия, 1994. — 296 с.; *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. — М.: РГГУ, 2008. — 545 с.; *Березовая Л. Г.* Культура русской эмиграции (1920–30-е годы) // Новый ист. вестн. 2001. № 3. С. 120–174.

¹² *Ермишин О. Т.* Философия русского зарубежья XX в. — М.: Летний сад; Дом русск. Зарубежья им. А. Солженицына, 2019. — 304 с. С. 6.

¹³ *Демидова О. Р.* Миф как феномен (само) сознания русской эмиграции // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы. Сб. ст. / Ред.-сост. А. Данилевский, С. Доценко. Таллинн: Изд-во Таллинск. Ун-та, 2012. — 260 с. С. 13–26. С. 13

¹⁴ *Сёмочкина Е. И.* История российской эмиграции. XX век: учебное пособие / Е. И. Сёмочкина. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. — 84 с. С. 3, 37.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Раздел I В ЧУЖИХ КРАЯХ

Предпосылки внешних контактов

Собирание земель вокруг политических центров Древней Руси и главного из них — Киева сопровождалось защитой формирующихся державных интересов на международном уровне, что требовало обеспечения прочных позиций за рубежом как на дипломатическом поприще, так и во внешней политике и торговле. Автор документального романа «Святослав — первый русский император»¹⁵ осознанно придает великому князю наивысший в тогдашней иерархии властителей титул. Тем самым уже самим названием книги он подчеркивает масштаб геополитических устремлений правителя и полководца, установившего контроль над территорией от Белого моря на севере до Балканского Черноморья на юге. Дипломатия Святослава, по С. Н. Плеханову, смело вводящему в оборот малоизвестные и не нашедшие отклика у профессиональных историков как недоказанные

Встреча киевского князя Святослава Игоревича и византийского императора Иоанна Цимисхия на берегу Дуная. Художник К. В. Лебедев. 1880-е гг.

Источник: <https://xn--80arpmdfmoa.xn--p1acf/%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87/%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D1%8F%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%8F/>

¹⁵ Плеханов С. Н. Святослав — первый русский император. — М.: Концептуал, 2014. — 288 с.

или недостоверные факты, сводится к асимметричному ответу на мощную идеологическую и военную агрессию со стороны Византии и других ведущих государств того времени. Русь утвердилась как активный субъект международных отношений не за столом переговоров, а прежде всего в результате организованных киевским князем завоевательных походов.

Святослав заставил считаться с собой как реальным и сильным политиком, умеющим ставить свои условия и требовать их выполнения. В свете такой позиции становится понятной попытка обеспечить тылы, вынести форпосты и создать военные заставы и опорные пункты далеко от русских рубежей. Русский князь явно не испытывал комплекса неполноценности перед элитами средневековых цивилизаций Запада и Востока, для которых Русь была дикой, варварской периферией. Однако взаимодействие *Pax civilis* и *Pax barbaria* выстраивались по обычной цепочке военных, политических, религиозных, торговых и иных контактов, сложность, спонтанность и хаотичность которых не препятствовала объединению этих несопоставимых на первый взгляд партнеров в единую полноэкуменическую¹⁶ систему, представляющую народы, находящиеся на разных уровнях исторического развития.

Предрасположенность русичей к контактам с внешним миром проявлялась в разных формах мобильности. Это и торговые экспедиции, и передвижения на большие расстояния в поисках подходящей землицы для переселения, и разбойничье-пиратские рысканья за добычей ушкуйников¹⁷ (банальный грабёж). Миграционная активность локализуется главным образом в южном направлении, и лидирующие позиции занимают Предкавказье, территории к югу от Дуная до стен Константинополя.

О первых компактных поселениях вне освоенной и обжитой территории еще не русских, а их предшественников русов упоминают и летописи (хроники), и письменные договоры и соглашения, и другие исторические источники, в которых нет недостатка. Русы, или русичи — собирательное название восточнославянских племен. Князья русов Олег и Игорь в X веке установили активные политические и экономические отношения с Византийской империей — сильной и богатой державой того времени. Торговля русов с греками (византийцами) была оживленной и налаженной. Уцелели дипломатические акты, показывающие, как, в каких масштабах и объемах была организована эта торговля, каковы были условия пребывания купцов-русов в столице империи Константинополе, или (на славянский лад) Царьграде. Согласно договору 911 г., русам предоставлялось право вести в городе свободную и беспошлинную торговлю, а для постоянного жительства им отводилась территория у монастыря св. Маманта (Мамы) на берегу залива Золотой Рог, в двух километрах к северу от Константинополя, т. е. в городском предместье.

Из восточнославянских земель от берегов Балтики по рекам Неве, Волхову, Днепру и через Черное море до пролива Босфор курсировали целые торговые караваны из нескольких кораблей. Этот древний водный путь общей протяженностью 2200 километров заканчивался в Царьграде. На севере он проходил через Новгород, на юге — через Киев, связывая го-

¹⁶ Полноэкуменическая (полностью заселенная) территории (в отличие от полуэкуменической, или убэйкумены — временно и частично заселенной территории).

¹⁷ Ушкúйники (они же повольники) — новгородские пираты. Вооруженная дружина ушкúйников формировалась и снаряжалась из вольных людей на средства новгородских купцов и бояр.

рода Ладогу, Старую Руссу, Смоленск, Любеч и другие. Торговые суда периодически плавали туда и обратно. Им приходилось преодолевать множество трудностей и опасностей. Одной из них были разбойные нападения воинственных племен хазар и печенегов, живших в степях и занимавшихся пиратским промыслом. Для защиты от них славянская флотилия обычно пускалась в дальнюю дорогу в сопровождении отряда хорошо вооруженных воинов. Святослав поставил себя как истинный хозяин пути из варяг в греки, держа в руках все нити этого протяженного маршрута и освоив как основное русло, так и различные водные ответвления. Этот трансевропейский торговый путь известен с глубочайшей древности, и археологические находки подтверждают движение по нему еще в раннем неолите (IX–VIII тыс. до н. э.)¹⁸, в силу чего отрицать или подвергать сомнению его существование, полагаясь на литературу, оспаривающую достоверность русских летописей в отношении реальности Варяжского или Восточного пути¹⁹, автор воздерживается.

Восточные славяне в 6–8 веках
Источник: present5.com

Путь «из варяг в греки»

¹⁸ Брим В. А. Путь из варяг в греки // ИАН СССР, VII серия. Отделение общественных наук. Л., 1931, с. 201–247; Свердлов М. Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX–XI вв. // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 101, вып. 6. 1969. С. 540–545; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. С. 224–227; Его же. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. Наука, 1982. — 590 с. С. 125–128, 294; Славяне и скандинавы = Wikinger und Slawen: Zur Frühgeschichte der Ostseevölker. — Akademie-Verlag, Berlin, 1982 / Пер. с нем.; Общ. ред. канд. филол. наук Е. А. Мельниковой.. — М.: Прогресс, 1986. — 416 с.

¹⁹ Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. — М.: АГРАФ, 2001. — 768 с.; Звягин Ю. Ю. Путь из варяг в греки. Тысячелетняя загадка истории. — М.: Вече, 2009. — 240 с.

Русы не только торговали, но и воевали с Византией. Бывало, что торговые льготы и привилегии, которые они получали от византийских императоров, были результатом вооруженных походов. Не раз Константинополь оказывался в осаде кораблей и дружин русов, и греки, чтобы снять угрозу, вступали в переговоры и откупались от пришельцев с севера богатой данью и предоставлением права их купцам с большой выгодой вести в Византии торговлю. Временами отношения между Царьградом и Киевом складывались очень напряженные, но обе стороны стремились к мирному разрешению конфликтов и осложнений. В заключенных договорах как декларация о намерениях обязательно подчеркивалось, «в какой любви живут греки с русью». Под Русью в Византии постепенно стали понимать не только русов, но и их землю. Так появилось название восточнославянского государства — Русь.

Экономические интересы и изрядный торговый оборот требовали длительного присутствия в Константинополе негоциантов из Руси. Но византийские власти не разрешали русским купцам жить в городе дольше шести месяцев. Послы великого князя киевского неоднократно ставили вопрос об увеличении срока пребывания соотечественников в Царьграде, но неизменно получали отказ. Между тем у русских деловых людей была настоятельная потребность если не натурализоваться и пустить корни в Византии, то хотя бы иметь там долгосрочное представительство не в лице греков-посредников, а своих земляков, постоянно проживающих в Константинополе. Однако византийская сторона на это не шла. Русские купцы были даже лишены возможности перезимовать в Царьграде и с наступлением осени должны были обязательно пускаться в обратный путь. Правда, в качестве компенсации за неудобство гости из далекой северной страны в течение разрешенного полугода получали право на беспроцентную торговлю. Они содержались за счет византийской казны, бесплатно пользовались правительственными банями, ежемесячно снабжались хлебом, вином, мясом, рыбой и фруктами — короче, жили на всем готовом и не тратились. Мало того, когда приходило время пускаться в обратный путь, греки обеспечивали их и продовольствием, и судовой снастью (якоря, канаты, паруса и т. п.). Когда по весне торговый караван из русских земель отправлялся на юг, к Босфору, Константинополь заранее строго оговаривал и количество кораблей, и число прибывающих купцов. Непременным пунктом свободного допуска в византийскую столицу была сопроводительная грамота киевского князя с полной информацией о составе русичей с указанием их имен и статуса. Принималось во внимание, откуда они, из какого княжества, города и т. д. Если из стольного Киева, им оказывали прием по одному чину, тех, кто был из Новгорода, Чернигова, Переяславля и т. д., встречали уже иначе, предоставляя более скромное содержание.

Почему же Константинополь препятствовал возникновению русского поселения наподобие тех колоний иностранного купечества, которые в те времена были, например, в Киеве? Тут есть два резона. На первом месте были, конечно, меры безопасности. Под видом негоциантов в европейские города нередко проникали пираты. Чтобы не допустить такой инсценировки, русских купцов пускали в столицу Византии только через одни ворота и партиями не более 50 человек. При этом все подвергались подробному досмотру. Обнаруженное оружие изымалось, и далее в город русичи входили без всяких средств защиты и самообороны, но зато в сопровождении специального императорского чиновника.

Ограничение времени пребывания русского купечества в Царьграде полугодом было вызвано также чисто коммерческими причинами. Греки не хотели упускать крупную выгоду, которую они извлекали из торговли с Русью. Ведущую роль они оставляли за собой, а своих восточнославянских партнеров ставили в те условия, которые в первую очередь отвечали интересам греческой стороны.

Впрочем, для княжеских послов исключения тоже не делалось. На них распространялись те же правила, тот же календарный график, что и на купцов, и приезжали и уезжали те и другие вместе на одном и том же торговом караване.

Отчего византийское правительство не шло на то, чтобы русские послы были представлены при императорском дворе на постоянной основе, сказать трудно. Вероятно, виной тому хитрость, коварство и вероломство, которые молва приписывала вообще всем славянам. От них ждали каверз и неприятностей, и греки во избежание какого-нибудь злого умысла и подвоха предпочитали до поры до времени держать русичей на расстоянии и под контролем. Тем не менее есть сведения, что при Владимире Святославиче в Византии размещался значительный (порядка 6 тыс. человек) наемный русский отряд, несший службу в ромейской державе, но поддерживающий связь с Киевом²⁰. По-видимому, речь идет не о дружинниках-русах, а о варяжской страже. В качестве придворной охраны византийские императоры использовали варягов, которые поступали на службу при посредничестве Руси. Этот боевой корпус не только выполнял функции личных телохранителей царствующих особ и их близких, но и участвовал в сражениях, широко привлекался при разрешении междинастических конфликтов и т. п. Очень может быть, что в состав варяжских наемников хитроумный князь Владимир внедрил своих верных людей (варяги в его ближайшем окружении — величина постоянная), и через этих «резидентов» получал нужную информацию. Испытанным каналом связи служил тот же путь из варяг в греки.

Если в Византии осесть не удавалось то на Волге, по которой проходил торговый путь на Восток, были два стабильных поселения торговцев из Руси: одно в Булгаре — столице Волжско-Камской Булгарии, другое в Итиле — главном городе Хазарского ханства или каганата. И там и там сложились своеобразные колонии славянского купечества, и видное место в них занимали торговые люди из Руси. В Булгаре и Итиле у них была возможность и жить сколько придется и заблагорассудится вместе с семьями, и вести дела, и размещать товары.

Настоящий русский оазис был искусственно создан на Балканах в третьей четверти X века в княжение Святослава. Своими военными походами он стяжал славу Александра Македонского Восточной Европы. Близ

²⁰ Византийский временник. — М.: Наука, 1998. — Т. 55. — С. 159–164; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» // Е. А. Мельникова. Древняя Русь и Скандинавия. — М., 2011. — С. 153–171; Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами 1046–1053 гг. // Известия Уральского государственного университета. — Екатеринбург, 2005. — № 39. — С. 15–26; *Его же*. Византийская армия в середине VIII — середине XI в.: Развитие военно-административных структур. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. — 278 с.; Олейников А. В. Варяжская гвардия Византии. — М.: Вече, 2015. — 336 с.

*Балканские походы
Святослава
Источник: информ.рус*

устья Дуная и почти у побережья Черного моря русский князь, потеснив болгар, занял их город Малую Преславу, переименовал его в Переяславец и объявил своей новой столицей вместо Киева. Князь рассматривал Переяславец как ключ к Черному морю и важный военно-торговый форпост. Святославу нравилось жить в низовьях Дуная, где почти всегда тепло и всяких благ и добра много. Почва здесь была плодородной, природа — щедрой, лето — длинным и жарким, а зима — теплой и короткой. Отсюда и до Византии было рукой подать, и Святослав собирался непременно померяться с ней силами. «Не люблю мне в Киеве, говорил он матери, княгине Ольге, — хочу жить в Переяславце».

Амбициозный проект Святослава вполне вписывается в самую раннюю предысторию русского зарубежья. Фактически далеко за пределами Киевского госу-

дарства он заложил основы для создания русской диаспоры на Балканах. Согласно плану князя после военного этапа должен был последовать мирный: колонизация этой территории, переселение туда из Руси крестьян, ремесленников, торговцев, что экономически закрепило бы русское присутствие на новых землях.

Однако греки не желали мириться с близким соседством киевского князя, и он с дружиной, оторванный от родной земли, после не увенчавшихся успехом боевых действий вынужден был вернуться на Русь, но по дороге погиб от рук печенегов. О том, чтобы печенежское войско встретило небольшой русский отряд во главе с князем, позаботились византийцы. Они подкупили жадного до денег печенежского хана, и тот, пользуясь малочисленностью воинов Святослава, напал на них и почти всех перебил.

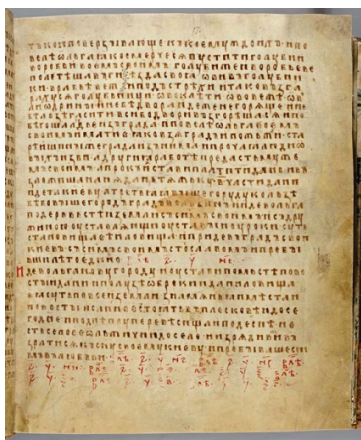
Престижные претензии

Матримониальные связи русского двора, безусловно, имели значение в повышении международного авторитета страны, но налаживались они неравномерно и постепенно, что обусловлено избирательным и целенаправленным интересом Киева установить династические отношения не с кем придется, а конкретно с Византией и другими могущественными государствами Средневековья.

В «Повести временных лет» сказано, что «пошла Ольга в греки» с тем, чтобы принять святое крещение, но на месте она будто бы столь приглянулась византийскому императору, что тот без обиняков заявил: «Хочу взять тебя в жены себе»²¹. Конечно, в данном случае летописцы невольно перестарались. Желая подчеркнуть, что Ольга была достойна не только княжить, но и царствовать, они, как можно предполагать, наложили на подлинные факты вымышленные и придумали правдоподобную и

²¹ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. II: Приложения / Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. — 556 с. С. 305–306.

романтически окрашенную историю об особом отношении византийского императора к русской княгине.

Страница из «Повести временных лет» со сведениями о княгине Ольге

его мать, вряд ли церемония включала бы ритуал праскинеса (падения ниц) перед венценосным правителем Второго Рима.

Средневековая картина мира разительно отличалась от современной, и мотивация перемещения человека в пространстве несмотря на глубокие исследования в этом направлении остается во многом загадочной и неясной. Вопрос, что побуждало наших далеких предков сниматься с места и менять родные просторы на чужие края, содержит не два и не три ответа. Ориентация в пространстве была вовсе не такой, как сейчас, и географические представления отчасти восходили ко временам язычества, когда малые расстояния отмеряли взмахами рук и шагами, а большие — полетом стрелы. Горизонт не делили на четыре части и принимали во внимание только ось восток — запад, которая как бы рассекала весь мир на две большие половины — южную от востока до запада и северную — от запада до востока. Всякое движение в незнакомые края и дальнейшее путешествие осуществлялось по двум «навигаторам»: переселенческой легенде и «ментальной карте»

Летопись выдает за свершившийся факт престижные претензии княгини Ольги. На самом же деле ей было пожаловано почетное звание «архонтессы» — дочери императора, что позволяло прочить в мужья византийской принцессе молодого князя Святослава. Переговоры на этот счет кончились безрезультатно, ибо заносчивый Константинополь не признал русского жениха достойной партией. Но спустя несколько лет возмужавший Святослав сам держит себя как император и, пренебрегая протоколом, ведет диалог с греками не только на равных, а даже свысока. Во всяком случае, доведись ромейскому владыке принимать русского князя так, как принимали в Царьграде до этого

Княгиня Ольга
на памятнике 1000-летию
России в Великом Новгороде

Источник: https://dzen.ru/media/vzglad_istorika/shest-jenskih-skulptur-na-pamiatnike-tysiacheletie-rossii-cto-oni-5ff1932dd1a90641ca5ac391

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru